

Людмила Александровна Морина

*Новосибирский государственный технический университет
630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20*

✉ Ludmila200273@mail.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1402-8-294-301

ЭЛОКУТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ: ИЗ ОПЫТА РИТОРИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ МЕДИАТЕКСТОВ ТУРБУЛЕНТНОГО ПЕРИОДА

Исходной посылкой настоящего исследования выступает положение: «Поскольку медиадискурс относится к персуазивно-перлокутивному типу дискурсов, можно говорить об изначальной риторичности его текстов, а значит, и о возможности их анализа с помощью категорий риторики...» [Анненкова, 2012. С. 11–12].

Рассмотрение медиатекста в фокусе риторического декодирования текста (далее — РДТ) как концепции, нацеленной на реконструкцию механизмов текстообразования с позиции оценки его эффективности, требует признания следующих теоретических установок.

1. Восстановление текстообразующего замысла продуцента в рамках РДТ осуществляется путем активации декодирующим текста-образца как когнитивной структуры, аккумулирующей представления о текстовой эффективности [Морина (Гольшккина), 2022. С. 306].

2. Риторический текст-образец обладает параметрами, задаваемыми структурой коммуникативного акта: диалогичностью, публично-

стью, аргументированностью как основанием персуазивности, актуальностью, акциональностью, технологической осознанностью.

3. Текст риторического типа — продукт осознанного подхода к мыслеречевой деятельности, обусловленный следованием риторическому канону как технологии, включающей инвентивный, диспозитивный и элокутивный этапы, которые отражают универсальный идеоречевой цикл [Безменова, 1991. С. 43] и обеспечивают эффективность текста в коммуникации.

Цель настоящего исследования состоит в реконструкции тактического воплощения и средств репрезентации элокутивных параметров медиатекстов, появляющихся и функционирующих в условиях глобальной турбулентности.

Материалом данной статьи из корпуса исследованных медиатекстов турбулентного периода, каковым стала для человечества пандемия COVID-19, выступило интервью главного врача ГКБ № 40 в Коммунарке, внештатного специалиста по анестезиологии-реаниматологии Департамента здравоохранения Москвы Дениса Проценко «Почему я должен рисковать родными из-за антиваксера», данное 31.07.2021 информационной компании РБК. Отметим, что за несколько лет пандемии Д. Проценко стал первым медийным лицом отечественного медицинского сообщества.

«Элокуция — завершающий раздел идеоречевого цикла, в котором реализуется переход от концептуального уровня к языковому. Непосредственно в самой элокуции осуществляется “вербализация” мысли» [Там же. С. 42].

Элокутивный этап текстообразования призван наделить текст такими свойствами, как диалогичность и публичность. При этом диалогичность, включающая авторство и адресность, задается такими составляющими коммуникативного акта, как коммуниканты, а публичность — обстоятельствами общения, требующими от продуцента демонстрации ценностей, актуальных для реципиентов.

Принимая во внимание тот факт, что «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван, 2015. С. 171], в концепции РДТ мы говорим об элокутивной стратегии текстообразования и вербализующих ее тактиках: авторизации, адресации, аксиологической экспликации.

Авторизация

Авторизация — инструмент субъективации речи, способ выражения «Я» говорящего, направленный на установление и поддержание коммуникативного контакта.

Ядро средств авторизации в традиционной риторической практике представляют эгоцентрические единицы языка: личные местоимения 1-го лица, которые формируют т. н. я- и мы-высказывания, а также вводные слова и обороты как показатели субъективной модальности.

Местоимение-эгоцентрик «я» в первую очередь эксплицирует говорящего в режиме диалога, в том числе и массмедийного. В речевой партии Д. Проценко я-высказывания получают активное воплощение, что выгодно отличает медицинский дискурс от политического, увлекающегося как раз мы-высказываниями. А поскольку «1-е лицо в норме имеет конкретно-референтный статус» [Падучева, 2019. С. 360], то его использование демонстрирует непосредственную причастность субъекта речи к сообщаемому или выражаемому, что повышает, с одной стороны, персональную ответственность за транслируемую информацию, с другой — доверие аудитории:

***Я** всей своей нормальной человеческой, не врачебной логикой не могу понять, как можно заразиться фрагментом вакцины; .. **Я** с первого дня говорил, что вакцинация — это не защита от инфицирования; **Я** не профессиональный вирусолог, я анестезиолог-реаниматолог, поэтому прислушиваюсь к мнению коллег-вирусологов; **Я** думаю, что в России от России не уйти; **Я** хочу поменять и помочь перезагрузить систему здравоохранения [Проценко, 2021].*

Периодически в авторизирующей функции работает местоимение «мы» и соответствующие глагольные формы:

Мы создали внутри нашей больницы центр вакцинации для сотрудников и родственников, понимая, в каких условиях работают доктора...; Мы активно применяем у пациентов в тяжелом состоянии... биологически активные препараты, ингибиторы интерлейкина-6; Нам удалось это статистически собрать, правильно обработать, разбить по группам, и в ближайшее время появится публикация [Там же].

Здесь референциальная отнесенность индексального знака «мы» не вызывает разногласий: это сам главный врач Коммунарки и его коллеги-единомышленники, представители медицинского сообщества.

Адресация

Мысль о том, что «хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата» [Кормилицына, 2007. С. 211], является, по сути, краеугольным камнем коммуникативной лингвистики.

В арсенал средств адресации включают: обращения; конструкции с местоимением 2-го лица и соответствующими глагольными формами — т. н. ты- и вы-высказывания; мы-высказывания, объединяющие говорящего с аудиторией; императивные речевые акты; риторические вопросы и восклицания; вопросно-ответные комплексы, имитирующие диалог в монологической речи; контактоустанавливающие и метатекстовые конструкции [Там же. С. 212].

В тексте рассматриваемого интервью Д. Проценко адресация представлена нестандартными экспликаторами: не наблюдается прямых обращений к предполагаемой массовой аудитории и частотности вы-высказываний.

Зато с целью создания эффекта адресации интервьюируемый периодически реализует прием имитации диалога, создающий наглядность той или иной ситуации пандемийного времени, куда включает мы-высказывания в адресующей функции:

К примеру, человек получает первый компонент вакцины, на десятый день заболевает. Мы его считаем вакцинированным? <...> Конечно, нет. Вакцинированным можно считать человека, у которого прошло 14 дней после введения второго компонента [Проценко, 2021].

Иногда имитация диалога содержит в ответных репликах вымышленную речь, где воспроизведение узнаваемой массовой сознанием типовой ситуации создает условия для сближения коммуникантов:

..Какие сейчас модные разговоры в общественном месте, чем сейчас меряются мужчины? Да, антителами. В календаре есть сезонная вакцинация от гриппа, вы совершенно правы, и мы не задумываемся: «Так, у меня в мае были сопля, я кашлял, у меня, видимо, был грипп. Так, в сентябре по календарю мне нужно сделать прививку. А не померить ли мне антитела от гриппа?» [Там же].

Адресация + авторизация

На синтезе средств адресации и авторизации построено освещение проблемы антивакцинаторства:

А на чем строится гипотеза антиваксеров? Это же наброс на вентилятор: «А, вы не забеременеете!» Есть какие-то исследования? Есть понятная технология создания вакцины, если говорить про «Спутник V». Она не вчерашняя. Аргументы с моей стороны, как проваксера, очень простые — публикации непрекращающиеся, которые демонстрируют все как есть, исследования из других стран, если вы не верите нам, российским докторам и ученым [Там же].

В приведенном примере говорящий задает, по сути, сообществу антиваксеров несколько проблемных вопросов открытого типа, которые усиливает оценочным жаргонным высказыванием «*Это же наброс на вентилятор*», структурно-семантическую основу которого составляет трансформированный английский фразеологизм «*when the shit hits the fan*». Такой способ косвенного выражения субъективной модальности фиксирует эмоциональную реакцию врача на частотный аргумент антиваксеров о невозможности забеременеть по-

сле прививки. Здесь мы встречаем и использование в рамках условной придаточной конструкции вы-оборота «если вы не верите», что усиливает контакт с аудиторией сомневающихся.

Диалогичность создается и использованием в структуре высказывания притяжательного местоимения 1-го лица ед. ч. и косвенного обращения: *Это одна из возможностей прервать порочный круг мутирования. И это второй мой довод уважаемым антиваксерам* [Там же].

Очевидно, синтез авторизирующих и адресующих средств обеспечивает общий воздействующий эффект речевой партии Д. Проценко.

Аксиологическая экспликация

Методологической основой выявления ценностных доминант текста выступает контент-анализ, а именно такая его процедура, как семантико-прагматический анализ, который соотносит эффект текста с определенными словами или предложениями, несущими значения [Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2017. С. 99].

Мы исходим из признания того, что ценности получают в медиатексте, тем более турбулентного периода, свою облигаторную вербальную экспликацию, обладают повторяемостью и повышенной смысловой мотивированностью, приобретая тем самым статус ключевого слова.

«Ключевые слова трактуются как “смысловые вехи”, которые являются своеобразными “точками контакта” воспринимаемого речевого потока с внутренней системой опыта, точками пересечения общего, объективного и индивидуального, субъективного» [Залевская, 2005. С. 201]. Такое понимание сущности ключевого слова позволяет обозначить сферу «общего, объективного» посредством репрезентации ценностей, нацеленных на «сближение сознаний» (Х. Перельман).

Так, проведенный с помощью специализированного онлайн-сервиса Advego [URL: <https://advego.com/text/seo/>] семантический анализ выявил семантическое ядро исследуемого медиатекста, куда

вошли следующие наиболее частотные лексические единицы (с частотой от 0,94 до 0,53 %), имеющие в силу их повышенной смысловой мотивированности статус аксиологем: *пациент, вакцинация, вакцинировать, все, вакцина*. Данное семантическое ядро, реконструирующее концептуальный замысел говорящего, выступает вербальным индикатором прагматических установок Д. Проценко, его целеполагания, его ценностных приоритетов, которые из сферы личного, индивидуального распространяются на область общего, коллективного.

Таким образом, реконструкция средств тактического воплощения элокутивной стратегии текстообразования есть свидетельство актуализации диалогичности и публичности в риторической практике Д. Проценко, поддерживающих его авторитетность и способствующих его медийной востребованности в условиях турбулентного времени.

Литература

Анненкова И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 60 с.

Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М. : Наука, 1991. 215 с.

Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Изд. 2-е. М. : ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.

Кормилицына М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь. Изд. 2-е., испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 211–222.

Морина (Гольшикина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современ-

Л.А. Морина

ных гуманитарных науках. М., Тамбов, Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. С. 305–308.

Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. Изд. 2-е. М. : ИД ЯСК, 2019. 440 с.

Проценко Д. Почему я должен рисковать родными из-за антивак-сера. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/07/2021/61040f029a79479026cfc8> (дата обращения 05.10.2022).

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.